DOI: 10.26907/2074-0239-2020-60-2-184-192
УДК 801.82

ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТНОГО ТИПА «РАЗРУШЕННЫЕ МЕЧТАНИЯ» В РУССКИХ СКАЗКАХ И СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

© Гульнара Имаева

THE TYPE OF PLOT “SHATTERED DREAMS” IN RUSSIAN AND CENTRAL ASIAN FAIRYTALE TRADITIONS

Gulnara Imaeva

The article presents Russian fairy tales of the plot type “Shattered Dreams”, found in the books by A. N. Afanasyev, V. I. Dal', N. E. Onchukov, A. I. Kretov, D. A. Rovinsky, and Central Asian (Tatar, Bashkir, Chuvash, and Tajik) tales recorded in the 18th–20th centuries. Their comparison helps to identify national peculiarities in the plot twists and variant differences in the fairy tale plot types of different nations. The study shows that different versions have more complicated compositions and new plot lines appear. The image of the protagonist undergoes transformations and is distinguished by a wide variety of characteristics. The dream object has mythological roots. An egg, milk (katyk), or a hare have rich mythological roots, these things are associated with abundance. Sheep's wool and imaginary eggs (potatoes) are the same kind of objects in Central Asian tales. All the analyzed fairy tales depict people's ideas about happiness, as a rule, this is material wealth, a prosperous household and general well-being, but all these things are unreal, they are only the characters' dreams.

Keywords: folklore, folk tales, fairy tale plot.

В статье рассматриваются русские сказки сюжетного типа «Разрушенные мечтания», представленные в сборниках А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, Н. Е. Ончукова, А. И. Кретьова, Д. А. Ровинского, и сказки народов Центральной Азии (татарские, башкирская, чувашская, таджикская), записанные в XVIII–XX веках. Их сравнение позволило выявить национальную специфику в преломлении сюжета и варианты различия в воплощении изучаемого сюжетного типа в сказках разных народов. Изучение сказок показало, что в разных вариантах усложняется композиция, появляются новые сюжетные ходы. Образ главного героя подвергается трансформации и отличается большим разнообразием характеристик. Предмет, по поводу которого возникает цепь мечтаний, имеет мифологические корни. Яйцо, молоко (катык), заяц имеют богатые мифологические корни и связаны с плодородием и изобилием. В сказках Центральной Азии такими предметами также становятся овечья шерсть и мнимые яйца (картофель).

Во всех анализируемых сказках отражены представления народа о счастье – как правило, это материальный достаток, крепкое хозяйство и благополучие, однако все эти блага нереальные, они лишь в мечтах персонажей.

Ключевые слова: фольклор, народные сказки, сказочный сюжет.

Сказки сюжетного типа АТ 1430 относят к новеллистическим (реалистическим, бытовым). При этом, как указывает В. Я. Пропп, все три наименования к этой сказочной группе применимы и обоснованы. Реалистическими эти сказки называются потому, что действующие в них лица не потусторонние фантастические существа, а реальные люди. Новеллистическими эти сказки могут быть названы потому, что они представляют собой краткие занимательные и интересные рассказы. И их можно назвать бытовыми, по-

скольку они отражают быт крестьян [Пропп, с. 225].

Бытовые сказки рассматриваемого сюжетного типа отличаются простотой и краткостью. Интрига несложна. Нет утrocений, типичных для волшебной сказки, нет вступительных и заключительных формул, нет общих мест. Герои принадлежат к определенной социальной категории. В анализируемых нами вариантах это молодой человек, нищие старик и старуха, бедный бо-быль, молочница, цыган и др. В то же время эти

сказки не содержат развернутого описания быта. Обстановка дается как некоторый фон, на котором развивается действие, и набрасывается скудными штрихами.

В данных сказках отсутствует сверхъестественность, законы природы не нарушаются. Реалистичен способ передачи, стиль. Но изображаемые в сказке события вряд ли возможны. Можно привести в качестве подтверждения высказывание В. Я. Проппа: «Новеллистические, или реалистические сказки – прежде всего сказки благодаря нагромождению в них иногда самых чудовищных невероятностей» [Там же, с. 226]. Вместе с тем, хотя в этих сказках всегда говорится о событиях, которые не могут произойти в действительности, рассказываются они так, с такими интонациями и с использованием таких средств художественной изобразительности, насыщены такими реальными бытовыми деталями, как будто все это происходило в действительности. Это несоответствие вызывает комический эффект.

В русской сказочной традиции зафиксировано довольно много сказок данного сюжетного типа и смежных с ним. Мы в основном опирались на варианты «Бедный мужик» [Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, с. 206], «Журавль в небе не добыча» [Сказки, песенки, игры, с. 21–23], «Ваня и Маха» [Северные сказки, с. 237], «Нищие старик и старуха» [Воронежские народные сказки и предания, с. 202], «Размечтался» [Народные.., с. 152], «Мысли ветреные» [Русские народные картинки, с. 268], представленные в сборниках А. Н. Афанасьева, В. И. Даля, Н. Е. Ончукова, А. И. Кретьева, Д. А. Ровинского. С нашей точки зрения, такая выборка сказок репрезентативна в сюжетном отношении и в то же время доказывает широкую распространенность этого сюжета в русском фольклоре и важность его значения для народной культуры.

В названиях данных сказок отражаются бедность персонажей («Бедный мужик», «Нищие старик и старуха»), несбыточность мечтаний («Мысли ветреные», «Размечтался»), моральное резюме («Журавль в небе не добыча»).

Ключевые мотивы сказочного типа «Разрушенные мечтания» (АТ 1430) следующие: 1) человек мечтает о том, как он понемногу разбогатеет (продав зайца, в которого прицеливается, продав кувшин с молоком и т. д.); 2) увлеченный своими мечтами, он все портит (пугает зайца, опрокидывает кувшин и т. д.). Сюжетную же схему данных сказок можно представить следующим образом: 1) зачин; 2) мечтания о счастье; 3) разрушение мечты; 4) концовка.

В анализируемых сказках зачин неразвернутый, присказок нет. Роль зачина состоит в том,

чтобы настроить слушающего на сказочный лад, в нем в сказочно-неопределенной форме говорится о времени и месте действия, действующих лицах. Зачин настраивает на необычность событий.

Для зачинов характерен отвлеченно-бытовой план, обращение к прошедшему времени. Отвлеченно-бытовой план выражается также глаголами, характеризующими движение: «*Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидел под кустом зайца...*» («Бедный мужик»); «*Человек молодой ходил в лес...*» («Ваня и Маха»). С традиционной формулы «жил-был» начинается сказка «Журавль в небе не добыча». В данном случае зачин усложняется путем наращивания информативной части, усугубления бедности персонажа: «*Жил-был мужичок без земли, без пашины, без кола, без двора, без скотинки, словом, как есть бобыль*».

Мечты о счастье возникают по поводу предмета, которыми в рассматриваемых сказках являются:

1) полезная находка (добыча), которая может лечь в основу будущего богатства, счастья. В анализируемых сказках это заяц («Бедный мужик», «Журавль в небе не добыча», «Ваня и Маха») или яйцо («Размечтался»).

2) иногда предмет уже был у человека. Это яйца, которые деревенский мужик нес для продажи («Мысли ветреные») или молоко (в ряде сказок).

3) в некоторых сказках предмета, от которого прирастет что-либо, у человека еще нет, он о его получении еще мечтает: «*Шли проселком нищие – старик да старуха; стали подходить к деревне. Старик говорит: „Я здесь молока попрошу!..“*» («Нищие старик и старуха»). В данном варианте разрушенные мечтания изначально основываются даже не на исходном предмете, а лишь на предположении о нем.

Необходимо отметить, что выбор предметов, с которых начинается цепь несбыточных мечтаний, не случаен, а отражает мифологические корни народного мировоззрения. Все перечисленные предметы так или иначе символизируют плодородие, изобилие и т. п. Так, в мифопоэтической традиции славян яйцо осмысливалось как начало всех начал, символ возрождения и обновления, плодovitости и жизненной силы. В славянской мифологии существует идея возникновения мира из мирового яйца. В нем также заложен мотив преодоления жизни смертью. Молоко отсылает к мифологическим рекам достатка и изобилия – «*кисельные реки с молочными берегами*» [Чудинов]. Как пишет А. Л. Баркова, «<...> в славянской культуре заяц является мужским сексуальным символом» [Баркова], то есть

это также один из опосредованных символов плодородия. Кроме того, заяц нередко является героем комической сказки. Это трикстер (тот, кто совершает проделки).

Сразу же после находки персонаж начинает выстраивать цепь предположений о возможном богатстве. Эти мысли даже прерывают действие человека, направленное на овладение первоначальной вещью («...*вот он поднял булыжник и думает: это мне клад дается ...*» («Журавль в небе не добыча»); «...*под зайца подошел, ружье наладил зайца подстрелить и говорит...*» («Ваня и Маха»)).

Далее развивается собственно мотив мечтаний. Как уже говорилось выше, предмет мечтаний – незатейливый и житейский. Это то, в чем нуждается человек. В некоторых сказках итогом мечтаний становится обретение дома, семьи, детей:

– свинушка, поросятки, дом, жена, семья, дети («Бедный мужик»);

– свинушка, стадо свиней («стадо во сто сорок и пять свиней»), дом, женитьба, дети («Журавль в небе не добыча»);

– женитьба, дети («Ваня и Маха»).

В других сказках этого типа мечтания только материальные (о богатстве):

– курица, кобыла («Размечтался»);

– цыплята, куры, свиньи, корова, лошадь и «стану слыть паном» («Мысли ветреные»).

Нищие старик и старуха на исходе жизни могут мечтать только о малом – еде (молоко и хлеб).

Развитие мотива мечтаний происходит по принципу кумуляции (накопления). Сюжетная кумуляция поддерживается кумуляцией синтаксической, вызывая постоянные повторы однотипных по строению или даже одинаковых фраз-«звеньев», слагающих цепочку.

Цепь мечтаний в рассматриваемых сказках следующая (отдельные «ступеньки» на пути к счастью отделены нами знаком «/»):

– «*возьму этого зайца, убью плетью, да продам за четыре алтына, / на те деньги куплю свинушка, она принесет мне двенадцать поросеночков; / поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; / я всех приколю, амбар мяса накоплю; мясо продам, / а на денежки дом заведу да сам оженюсь; / жена-то родит мне двух сыновей Ваську да Ваньку. / Детки станут пашиню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать...*» («Бедный мужик») (7 звеньев);

– «*убью я зайца, продам его, а на деньги куплю поросеночка; / выкормлю поросенка, станет он свинкой, свинка та же скотинка / свинка моя выведет двенадцать поросят, поросенок вырос-*

тет, большой свиньей будет, / каждая свинья выведет по двенадцати поросят, и будет у меня стадо во сто сорок и пять свиней; / тут то обзаведусь я своим домком, сосватаю лучшую девушку на деревне, и заживет она у меня барыней; / старшего сына назову Иваном, подстаршего Тимофеем, середняго Дорофеем, малаго Еремеем, подмалаго Андреем; / станут сынки расти как грибки, я их на работе не умучу, найму работников, а сыновья станут за батраками надсматривать, а я из окошка на двор поглядывать да порядки чинить» («Журавль в небе не добыча») (7 звеньев);

– «*Старик говорит: „Я здесь молока попрошу!“ / Старуха в ответ: „А я в молоко хлеба накрошу!“*» («Нищие старик и старуха») (2 звена);

– «*Оцз вылупыцца из яйца курыця. Вырасты она, наньсэ яець. / Из цых яець вылупыцца богато цыплят, вырастуть оны. / Продам я курэй, а сам куплю кобылу. Будэ у нэй лоша...*» («Размечтался») (3 звена, третье звено прерывается);

– «*думая попродаже оных яйц купить пару кур / а егда те куры нанесут яйц и выведут цыплят и тех цыплят вырастят продать / и купить свинью. а свинья опороситца поросят вырастят продать / и купить корову. корова отелитца и теленка выкормя продать и / купить жеребенка и вырастят лошадь стану ездить / и построю двор и буду жить богато и стану слыть паном*» («Мысли ветреные») (6 звеньев).

Как видим, вариантов прирастания богатства несколько. Общая схема варьируется от сказки к сказке. В анализируемых сказках наблюдаются:

– усеченный вариант, когда последние звенья исключаются. Цепочка мечтаний прерывается в «Размечтался», из нее исключаются жена и дети («Мысли ветреные»). Наиболее усеченный вариант мечтаний – в сказке «Нищие старик и старуха»;

– расширение звеньев – за счет подробного перечисления будущих предполагаемых детей («Журавль в небе не добыча»).

Отметим, что перечисление прирастающих богатств может украшаться вставными устойчивыми оборотами, например: «...станет он свинкой, свинка та же скотинка...» («Журавль в небе не добыча»).

В целом в наиболее полных вариантах («Бедный мужик», «Журавль в небе не добыча») в цепи мечтаний наблюдается семь звеньев, в сокращенных – от двух до шести звеньев. Число звеньев (не более семи) имеет психофизиологические основания (оптимальный объем информации для человеческой памяти). В первых двух сказках число поросят – 12. Символика этого

числа положительная, в русском языке «дюжина» – от слова «сдюжить», то есть «смочь» [Кириллин, с. 60].

Счастье «вырастает» в воображении героев очень быстро, перескакивая все временные рамки. Упоенный этим «мнимым счастьем» персонаж увлекается, зримо видит итог цепи счастливых событий, представляет картину своего счастья. То есть воображаемое стало настолько реальным, что перешло во внешний план действия, но – нарушило мечтания.

Резкое прерывание первого «мотива мечтаний» вторгающимся вторым мотивом «разрушения мечты» создает ситуативный комический эффект. Он наблюдается во всех сказках и имеет значение резкого толчка, перехода к действительности, реальности.

Когда чаша радости от предвкушаемого счастья переполняется, человек, увлеченный своим счастьем и воображаемой жизнью, совершает неожиданное действие:

1) громко и неожиданно кричит:

«Эй, вы, ребята; крикну Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте, видно, сами бедно не жили!» («Бедный мужик»); *«Андрей, Еремей, Дорофей, Тимофей, Ванюша, что балуете, дела не делаете, за работниками не приглядываете, а в бедности не жили? Вот я вас!»* («Журавль в небе не добыча»); *«Ваня и Маха, полноте баловать!»* («Ваня и Маха»);

2) начинает бить (наказывать) того, кто якобы мешает его мнимому счастью:

«Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: „Не кроши в молоко хлеба не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет“» («Нищие старик и старуха»); *«Ах ты, проклятый! Спыну лошади пырыломыш. Та як начав цыган его батигом стёгать»* («Размечтался»);

3) делает какое-либо движение, нарушающее целостность и ценность вещи:

«ажно плетеница порвалася» («Мысли ветреные»).

Мечтания в один миг разрушаются (заяц убегает, яйцо бьется или рассыпается, молоко проливается или его не дают).

Окончания мотива «разрушения мечты» могут быть представлены короткими вариантами: *«Скрычал, заец и убежал»* («Ваня и Маха»); *«Пришли в деревню, а молока никто не дал»* («Нищие старик и старуха»); *«Бье, бье, бье та промахнувся и – по яйцю. А оно и розбылось»* («Размечтался»).

Такие варианты заканчиваются краткой констатацией состояния исходного предмета (убежал, не дали, разбилося).

В более развернутых вариантах вводится концовка, возвращающая персонажа к исходному состоянию. Этот переход, так же как и переход к мечтаниям, осуществляется мгновенно: *«Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и с детьми пропал»* («Бедный мужик»); *«Бобыль наш так крикнул, что заяц проснулся, вскочил и дал тягу. „Вот те на! – сказал мужичок почесываясь, – вот те и свинки с избой, и хозяюшка с Ванюшей и с Андрюшей, с Тимошей, и с Дорошей, и с Еремушкою! И пошел своим путем все тем же бобылем!»* («Журавль в небе не добыча»).

Таким образом, для русских сказок сюжетного типа «Разрушенные мечтания» (АТ 1430) характерны: неразвернутый зачин отвлеченно-бытового плана; значительное варьирование первого мотива мечтаний; меньшее число вариантов второго мотива «разрушения мечтаний», концовка – констатация или концовка – возвращение к исходному состоянию. Предметы или животные, на основе которых у сказочных персонажей возникает цепь мечтаний, явно имеют мифологические корни. Мифологические представления о яйце, молоке или зайце связаны с понятиями плодородия и изобилия.

Первый «мотив мечтаний» развивается по принципу кумуляции. В наиболее полных вариантах в цепи мечтаний наблюдается семь звеньев, в сокращенных – от двух до шести звеньев. Второй мотив имеет три варианта: человек громко и неожиданно кричит или бьет, или делает какое-либо неловкое движение. Этим он пугает зайца, разливает молоко, разбивает яйцо, то есть лишает себя будущего предполагаемого богатства. Резкое вторжение второго мотива вносит эффект комичности, возвращает персонажа к реальности. Смысловой комический эффект имеют следующие моменты: ничтожное основание, на котором вырастает цепь умозрительных мечтаний, стремительное развитие мечтаний, упоение и искренняя вера человека в придуманное им счастье.

В культурах народов Центральной Азии, в том числе тюркоязычных, юмористические сказки о глупцах появились в очень далекие времена. Так, в татарском народном творчестве получил распространение самостоятельный жанр «мээзэков» – народных шуток, анекдотов. Весьма вероятно происхождение народных юмористических сказок вследствие объединения нескольких мээзэков [Татарское народное творчество, с. 13].

В качестве материала для анализа нами были выбраны тюркоязычные народные сказки сюжетного типа АТ 1430: башкирская сказка «Два лентяя» [Два лентяя], татарская сказка «Жеребенок» [Татарское..., с. 405–406], чувашская сказка «Вот будет здорово!» [Вот будет здорово], татарская сказка «Три курильщика опиума» [Татарское..., с. 433–435] – и таджикская сказка «Мечтатель» [Мечтатель].

Тюркоязычные бытовые сказки обладают ярко выраженным национальным колоритом. «Картина мира» народов проявляется через систему неизменных, стереотипных представлений (культурных констант) и выражается в национальном языке. Следует учитывать, что большинство тюркских народов исторически были кочевниками, занимались скотоводством. Это определяет и специфику предметов, и лексический состав многих сказок. Своеобразная картина мира тюркских народов в языке выражается с помощью так называемой «безэквивалентной лексики». Слова, к ней принадлежащие, не переводятся на другие языки, их нужно описать в контексте жизненных реалий нации и на понятийном уровне. В данных вариантах это религиозная лексика (медресе, мулла, намаз, шакирд), названия лиц (батыр, агай, апай, бабай), праздники (йыртыш, сабантуй), национальные блюда (курут, бишбармак) и др.

Устойчивая характеристика персонажей данных бытовых сказок указывает на типизацию образов. В анализируемых сказках действуют мужик («Вот будет здорово!»), старик и сыновья-лентяи («Два лентяя»), бай и старуха («Жеребенок»), в таджикской сказке – старая женщина и ее ленивый сын («Мечтатель»).

Лентяи в качестве персонажей появляются в юмористических бытовых сказках весьма часто. Они описываются как лежебоки, неуклюжие глупцы и т. п. Иногда лентяй встает на путь исправления, и это становится моралью сказки («Два лентяя»). «Бай» в переводе с тюркского языка означает «богач, крупный землевладелец, скотовод, торговец» [Ушаков, с. 23]. Баи характеризуются как нелепые, жадные, глупые или жестокие персонажи, сказки с ними принято относить к сатирическим («Жеребенок»).

В некоторых случаях персонаж наделяется символическим именем. В тюркоязычных сказках есть такие постоянные персонажи, как Алдар – Обманщик, Сарай – Скупой, Юмарт – Щедрый, Таз – плешивый и др.

Некоторые предметы, вокруг которых развиваются мечтания персонажей, традиционны для этого типа сказок и аналогичны предметам из русских сказок типа АТ 1430. Это заяц («Вот бу-

дет здорово!») или яйцо (таджикская сказка «Мечтатель»).

В тюркских сказках начальным предметом мечтаний может быть горшок с катыком («Три курильщика опиума») (ср. с кувшином молока в европейских сказках).

Но семантика предмета может меняться на противоположное с помощью «подмены понятий». Так, мнимые яйца (картошка), из которых якобы вылупляются жеребята, не воспринимаются как символ изобилия и плодородия («Жеребенок»).

Данной группе сказок, как правило, свойственен очень короткий зачин: «Шел мужик полем» («Вот будет здорово!»), «Жила в одном кишлаке старая женщина» (таджикская сказка «Мечтатель»).

Ключевые мотивы сказочного типа АТ 1430 в тюркоязычных сказках те же, что и в русских (мотив мечтания и мотив разрушения мечтания). Данные мотивы последовательно и в чистом виде представлены только в чувашской сказке «Вот будет здорово!». Мотив мечтания в этой сказке состоит из четырех звеньев: «Вот поймаю сейчас этого зайца, мясо съем, а шкуру продам и куплю поросенка. / Поросенок вырастет, станет свиньей, а свинья принесет двенадцать поросят. / Тех поросят я тоже выращу, потом заколю, и будет у меня целый амбар мяса. / Мясо продам, а на вырученные деньги поставлю новый дом с просторными сенями да резным крыльцом – вот будет здорово!».

Другие из рассмотренных сказок обладают значительной свободой в варьировании мотивов, их композиции, введении в повествование новых лиц, диалогах и т. д. Приемами нарушения естественности событий создаются различные комические ситуации, например: «Пошли лентяйцы, куда глаза глядят. Шли они, шли, преодолели расстояние длиною с иголку и прилегли отдохнуть под яблоней» («Два лентяя»).

Сказка «Два лентяя» представляет собой соединение нескольких небольших эпизодов, из которых соответствующий типу АТ 1430 – третий. После части с сюжетом «разрушенные мечтания» следует нравоучительная стихотворная вставка и концовка. Мотив мечтания в данной сказке развернут полно и представлен семью звеньями:

– «За работу мне дадут копейку. На эту копейку я куплю яйцо, / подложу его под курицу соседа – цыпленок выведется. / Он вырастет и сам начнет нести яйца. / Потом появятся у меня свои куры, / обменяю их на уток, гусей. / Как разбогатею, построю большой дом. / Пошлю

сватов к царской дочери. Он выдаст ее за меня. Начнем мы жить» («Два лентяя»).

Из двух эпизодов, где первый представляет сюжетный тип АТ 1430, состоит татарская сказка «Три курильщика опиума». Мотив мечтаний в ней представлен такими же традиционными «звеньями» (деньги – курица – овца – кобыла – много скота – золото – женитьба) (8 звеньев за счет увеличения «звеньев женитьбы»):

– «Получу от этого человека десять копеек, куплю на них курицу, / курица много яиц снесет, часть продам, часть под курицу положу, выведет она цыплят, много будет у меня кур, / продам и, куплю овцу, овца ягнят принесет, / продам ягнят, куплю кобылу, принесет она жеребят. / Много будет у меня всякой живности: и кур, и овец, и лошадей. Стану часть их за золото продавать. / Много будет у меня золота, лошадей, овец. / А дальше что? Дальше о женитьбе подумать придется. Стой, кого же выбрать? вспомнился ему известный в Бухаре бай. «Возьму дочку этого бая, – думает. – Нет, пожалуй, этот не подойдет мне, ведь у него только золото, а у меня и золото, и лошади, и овцы». / Подумал он о бае еще богаче. «Его дочку возьму». Но тут же решил: «Нет, у этого тоже все богатство – одни деньги. / Постой, а почему бы не просватать дочку самого хана? Вот у него всякого добра полно. Ну, стану я женихом, войду к невесте в покои. Поставят передо мной блюда с мясом, с пловом» («Три курильщика опиума»). Юмористический эффект создает диалог персонажа с самим собой, а также «перебирание невест», когда замечтавшийся бедняк решает, что «дочки баев не годятся, возьму в жены дочку хана».

В сказке «Жеребенок» первый мотив представлен весьма своеобразно – не через перечисление того, о чем мечтает персонаж, а через описание долгого процесса высиживания жеребят из картофеля. В то время как главный герой только сидит, активизируются второстепенные персонажи (старуха, урядник): «Бай приходит домой, складывает картошку в корзину и быстренько усаживается в нее. Старуха видит все и диву дается. Пытается узнать, что это он затеял. Но как только она приблизится к нему, бай, как гусак, вытягивает шею и начинает шипеть „тссс“. И так двадцать девять дней подряд. На тридцатый день старуха не выдержала и пошла, рассказала старосте и уряднику. – Так и так, со стариком моим что-то неладно. – Не волнуйся, мы его заставим разговаривать, – успокоил ее урядник. Затем они все вместе приходят к баю. – Чего это ты здесь сидишь? –

спрашивает его староста. В ответ раздается только шипение „тссс“» («Жеребенок»).

Если взять для сравнения таджикскую сказку «Мечтатель», то в ней мотиву мечтаний предшествует нравоучительная вставка – «мораль», которую старая женщина читает своему ленивому сыну. Сам мотив мечтаний в этой сказке представлен наибольшим количеством звеньев (одиннадцать), что достигается в том числе за счет удвоения отдельных звеньев. Комический эффект усиливается благодаря применению гиперболы – подсчета большими круглыми числами (сто, тысяча, пять тысяч):

– «Закрыв он глаза и принялся мечтать: „В этой корзине не меньше полсотни яиц. Продам яйца и на эти деньги куплю петуха и пару курочек. / Курочки снесут сотню яиц. / Из ста яиц вылупится сотня цыплят. / Цыплята подрастут и тоже станут курами. Те куры тоже снесут яйца. И яиц наберётся не меньше пяти тысяч штук. / Из них вылупится пять тысяч цыплят. Цыплята подрастут и станут курами! Пять тысяч кур! / Продам я этих кур и куплю овец. Тысячу овец! / Придет срок, и у овец появятся ягнята. Ягнята подрастут и тоже станут овцами! Целая отара овец! / У этих овец тоже будут ягнята, и они тоже подрастут. И стану я хозяином нескольких овечьих отар! / Половину овец продам, а на деньги построю дворец не меньше падишахского! / А потом я женюсь на дочери самого падишаха! Увидев моё богатство, падишах отдаст за меня свою самую красивую дочь. Рассказывают, что самая красивая падишахская дочь и самая строптивая. / Я женюсь и собою с нее спесь, заставлю подчиниться мне“» («Мечтатель»).

Второй мотив – «разрушения мечтаний», как и в русских сказках, резко вторгается и нарушает первый мотив. Мечтания разрушаются благодаря активному резкому действию, крику или же неосторожному движению персонажа: «„Ах, ты так!“ – воскликнул урядник и с маху огрел бая плетью» («Жеребенок»), «Увидев в мыслях новый дом, мужик, на радостях, громко повторил: – Вот будет здорово!» («Вот будет здорово!»), «Представив себе царя и палача с секирой, лентяй присел и в страхе закрыл голову руками» («Два лентяя»), «А если она не станет меня слушаться, я ее ударю ногой. Вот так!..» Тут нога лодыря обо что-то больно ударилась» («Мечтатель»), «„Она не послушается, заупрямится, а про себя подумает: „Муж мой простолюдин, а я ханская дочь, не к лицу мне такому прислуживать“. А я ей тогда пощечину отвешу, да такую, что искры из глаз посыпятся. Заплачет она, отцу пожалуется. Отец разгневается, саб-

лю из ножен вытащит, захочет мне голову отсечь, а я голову – раз и уберу“. Тут качнул носильщик головой...» («Три курильщика опиума»).

Как и в русских сказках, комический эффект вызывает слепая вера персонажей в придуманные «воздушные замки».

Варианты окончания мотива разрушения мечты варьируются от сжатых до более развернутых: «А заяц услышал мужика, испугался и убежал» («Вот будет здорово!»), «Горшок выпал и разбился, от катыка только брызги полетели» («Два лентяя»), «Он открыл глаза и что же увидел?! Корзина с яйцами отлетела к самой дорожке, яйца из нее выкатились и разбились. Ни одного целого не осталось!» («Мечтатель»), «Баю стало больно, он схватил свою корзину и давай бежать без оглядки. Бежал, бежал, добежал до лесной опушки, запнулся о кочку и упал. Корзина вывалилась у него из рук, картошка, которая была в ней, рассыпалась по земле» («Жеребенок»), «Тут качнул носильщик головой, горшок с катыком упал и разлетелся на тысячу черепков» («Три курильщика опиума»).

Из рассмотренных сказок в трех после окончания мотива разрушения мечтаний следуют небольшие относительно самостоятельные разделы. В сказке «Два лентяя» – это нравоучительное стихотворение (структурный внесюжетный элемент) и небольшое послесловие: «Хозяин, рассердясь, побил лентяя. А в назидание ему сказал: „Очень плохо быть ленивым – не ленись! / Чтобы было уважение – трудись, / Овладей наукой, ремеслом, / У тебя тогда счастливой будет жизнь“. Младший брат не был безнадежно испорченным, все понял. Сделал для себя выводы и начал жить, как другие люди живут. Он и теперь, сказывают, живет припеваючи» («Два лентяя»).

Песня вводится в окончание сказки, чтобы сделать ее мысль яснее, выразительнее. Она служит также композиционным задачам, поскольку «останавливает» действие, уравнивает чередование предыдущих сказочных эпизодов.

В сказке «Жеребенок» концовка усиливает комический эффект сказки, подчеркивая глупость бая: «А неподалеку сидели два зайчонка. Они испугались и дали стрекача. Бай увидел, что кто-то бежит, и в глазах у него потемнело: он решил, что это жеребята, и кинулся догонять» («Жеребенок»). В композиционном плане эта концовка удваивает окончание мотива разрушения мечты (мечта бая разрушается, когда рассыпается картошка и когда убегают зайчата).

В сказке «Три курильщика опиума» комически удваивается «мотив мечтаний»:

– «Ох, насилу голову уберег!

– Что ты болтаешь, глупец?

– Тебе не понять, – отвечает тот. – Женился я на ханской дочери, в покоях у нее побывал. Слуги мяса принесли, руки мыть подали. Ханская дочь не пожелала услужить мне. Тут я разозлился и дал ей пощечину, она, понятно, отцу пожаловалась, а тот поднял саблю и пошел на меня, хотел голову отрубить, а я – раз и убрал голову, только это и спасло меня. Ты что же, хотел, чтобы из-за твоего катыка я головы лишился?» («Три курильщика опиума»).

Концовка – послесловие «возвращает» слушателя к реальности: «Вот дурак! – воскликнул хозяин горшка. – Какой хан, какая ханская дочь?! Да ты просто сумасшедший! – Стукнул его по голове и ушел...» («Три курильщика опиума»).

Подобные сказки известны у всех восточных народов. Например, в сказке о пятом брате цирюльника арабской «Книги тысячи и одной ночи» (ночи 32 – 33) герой предается мечте о том, как он продаст стекло, купит много товаров и драгоценностей, женится на дочери визиря и сломит ее гордость – отпихнет жену ногой. Вообразив это, он разбивает свое стекло [Рассказ о пятом брате цирюльника]. В восточных анекдотах о Ходже Насреддине герой мечтает о прибыли от яиц и при этом нечаянно их разбивает [Двадцать три Насреддина, с. 510].

Таким образом, исторически сюжетный тип «Разрушенные мечтания» тюркоязычных сказок ведет свое происхождение от мээзэков (народных шуток и анекдотов). Сказки обладают ярко выраженным национальным колоритом, что подчеркивается использованием безэквивалентной лексики (кишлак, бай, хан, катык и др.). Образы главных героев типизированы (лентяи, глупый бай). Предметы, инициирующие мечтания, – заяц, яйцо, катык, овечья шерсть, мнимые яйца (картофель). Мотив мечтаний в проанализированных сказках имеет от четырех до одиннадцати звеньев (число увеличивается за счет повторов). Мотив разрушения мечтаний вводится резким действием, движением, громкими словами персонажа. В рассмотренных тюркоязычных и таджикской сказках необходимо отметить разнообразие композиционных решений, которое достигается за счет удвоений, введения дополнительных эпизодов, песни, диалогов и т. д. Сказки насыщены разнообразными комическими ситуациями, способы создания которых – это нарушение естественности явлений, гипербола и др.

В результате анализа было установлено, что для русских сказок и сказок Центральной Азии сюжетного типа «Разрушенные мечтания» (АТ 1430) характерны неразвернутый зачин отвлече-

ченно-бытового плана, значительное варьирование первого мотива мечтаний, меньшее число вариантов второго мотива «разрушения мечтаний»; возможна развернутая концовка. Образы главных героев типизированы (мужик, старик и старуха, лентяй, глупый бай). Выбор предмета, по поводу которого возникает цепь мечтаний, имеет мифологические корни. Яйцо, молоко (калык), заяц имеют богатые мифологические корни, эти предметы связаны с плодородием и изобилием. В сказках такими предметами также становятся овечья шерсть и мнимые яйца (картофель). Предмет может быть реальным или воображаемым.

Русские сказки и сказки народов Центральной Азии сюжетного типа АТ 1430 «Разрушенные мечтания» позволяют получить представление о народной житейской философии и представлениях о счастье. Представление о счастье — ключевая черта мировоззрения человека любого народа, дает представление о системе его ценностей. Как показывает анализ сказок, счастье, по мнению их персонажей, заключается в житейском идеале достатка и налаженном хозяйстве. В то же время в конце повествования персонажи ничего не теряют, потому что ожидаемое ими богатство — нереальное, вымышленное, оно только предполагается.

Список литературы

Баркова А. Л. Мифология. Авторская программа. М., 1998. URL: <http://mith.ru/alb/mith/newyear.htm> (дата обращения: 20.11.2019).

Воронежские народные сказки и предания / сост. А. И. Кретов. Воронеж: изд-во Воронежского гос. ун-та, 1977. 235 с.

Вот будет здорово! Чувашская народная сказка. URL: <http://hobbitaniya.ru/chuvash/chuvash6.php> (дата обращения: 20.11.2019).

Два лентяя. Башкирская народная сказка. URL: <http://bashskazki.ru/page69.html> (дата обращения: 20.11.2019).

Двадцать три Насреддина: Антология. М.: Наука, 1978. 584 с.

Кириллин В. М. Символика чисел в литературе Древней Руси. М.: Алетеия, 2000. 320 с.

Мечтатель. Таджикская народная сказка. URL: <https://timashevsk.ru/skazki/tadjikskaya-narodnaya-skazka-mechtatel/> (дата обращения: 20.11.2019).

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3-х т. Т. 3. М.: Наука, 1985. 495 с.

Пронн В. Я. Русская сказка. 2-е изд., стереотип. М.: Лабиринт, 2008. 332 с.

Рассказ о пятом брате цирюльника // Книга тысячи и одной ночи: Арабские сказки / пер. с арабского М. А. Салье. URL: http://sheherazade.ru/1001night_031.htm (дата обращения: 20.11.2019).

Русские народные картинки. Кн. I–V / собр. и описал Д. А. Ровинский. Т. I. СПб., 1881. 509 с.

Северные сказки: сборник Н. Е. Ончукова // Записки РГО. Т. 33. М.: Тип. А. С. Суворина, 1908. 643 с.

Сказки, песенки, игры. Пересмотрено В. И. Далеком. М., 1870. 197 с.

Татарское народное творчество: В 15 т. Т. 3. Бытовые сказки / сост. Л. Ш. Замалетдинов, ред. А. Х. Садекова. Казань: Магариф, 2009. 455 с.

Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка / сост. Л. В. Антонова и др. М.: Дом Славянской книги, 2009. 960 с.

Чудинов В. А. Славянская мифология и русский корнеслов. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02110007.htm> (дата обращения: 20.11.2019).

References

Barkova, A. L. (1998). *Mifologiya* [Mythology]. Avtorskaia programma. Moscow. URL: <http://mith.ru/alb/mith/newyear.htm> (accessed: 20.11.2019). (In Russian)

Chudinov, V. A. *Slavianskaia mifologiya i russkii korneslov* [Slavic Mythology and Russian Korneslov (Stemwords)]. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/005a/02110007.htm> (accessed: 20.11.2019). (In Russian)

Dva lentiia. *Bashkirskaia narodnaia skazka* [Two Lazy People. A Bashkir Folk Tale]. URL: <http://bashskazki.ru/page69.html> (accessed: 20.11.2019). (In Russian)

Dvadsat' tri Nasreddina: *Antologiya* (1978) [Twenty Three Nasreddins: Anthology]. 584 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Kirillin, V. M. (2000). *Simvolika chisel v literature Drevnei Rusi* [Symbolism of Numbers in the Literature of Ancient Russia]. 320 p. Moscow, Aletheia. (In Russian)

Mechtatel'. *Tadjikskaya narodnaia skazka* [A Dreamer. A Tajik Folk Tale]. URL: <https://timashevsk.ru/skazki/tadjikskaya-narodnaya-skazka-mechtatel/> (accessed: 20.11.2019). (In Russian)

Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva: V 3-kh t. (1985) [Russian Folk Fairy Tales by A. N. Afanasyev: In Three Volumes]. T. 3. 495 p. Moscow, Nauka. (In Russian)

Propp, V. Ia. (2008). *Russkaia skazka*. [The Russian Fairy Tale]. 2-e izd., stereotip. 332 p. Moscow, Labirint. (In Russian)

Rasskaz o piatom brate tsiriul'nika [The Story of the Barber's Fifth Brother]. *Kniga tysiachi i odnoi nochi: Arabskie skazki*. Per. s arabskogo M. A. Sal'e. URL: http://sheherazade.ru/1001night_031.htm (accessed: 20.11.2019). (In Russian)

Russkie narodnye kartinki (1881) [Russian Folk Pictures]. Kn. I–V / sobr. i opisal D. A. Rovinskii. T. I. 509 p. St. Petersburg. (In Russian)

Severnye skazki: *sbornik* N. E. Onchukova (1908) [Northern Tales: A Collection of N. E. Onchukov]. Zapiski RGO. T. 33. 643 p. Moscow, Tip. A. S. Suvorina. (In Russian)

Skazki, pesenki, igry (1870) [Fairy Tales, Songs and Games]. Peresmotreno V. I. Dalem. 197 p. Moscow. (In Russian)

Tatarskoe narodnoe tvorchestvo: V 15 t. (2009) [Tatar Folk Art: In 15 Volumes]. T. 3. Bytovye skazki. Sost. L. Sh. Zamaletdinov, red. A. Kh. Sadekova. 455 p. Kazan', Magarif. (In Russian)

Ushakov, D. N. (2009). *Bol'shoi tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Sost.

L. V. Antonova i dr. 960 p. Moscow, Dom Slavianskoi knigi. (In Russian)

Voronezhskie narodnye skazki i predaniia (1977) [Voronezh Folk Tales and Legends]. Sost. A. I. Kretov. 235 p. Voronezh, izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. (In Russian)

Vot budet zdorovo! [That will Be Great!]. Chuvashskaia narodnaia skazka. URL: <http://hobbitaniya.ru/chuvash/chuvash6.php> (accessed: 20.11.2019). (In Russian)

The article was submitted on 05.05.2020

Поступила в редакцию 05.05.2020

Имаева Гульнара Зайнетдиновна,
доктор филологических наук,
профессор, доцент,
Московский финансово-промышленный
университет «Синергия»,
125190, Россия, Москва,
Ленинградский проспект, 80, к. Г.
synergy@synergy.ru

Imaeva Gulnara Zaynetdinovna,
Doctor of Philology,
Professor, Associate Professor,
Moscow University for Industry and Finance
“Synergy”,
Building G, 80 Leningradsky Ave.,
Moscow, 125190, Russian Federation.
synergy@synergy.ru